

ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XX ВЕКОВ

УДК 821.161.1

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-175-179

РЕЦЕПЦИЯ И ОСМЫСЛЕНИЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПРИРОДЫ В ТРАВЕЛОГАХ С. П. ШЕВЫРЁВА

Ю. Е. Пушкарева

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Рассматривается проблема рецепции и осмысления итальянской природы в путевых дневниках и письмах любомудра С. П. Шевырёва. Природа становится значимым компонентом образа Италии как целостного имагологического феномена и взаимодействует с другими его аспектами – историческим, эстетическим (например, с итальянской литературой и живописью), социальным. В текстах Шевырёва традиционная романтическая интерпретация Италии как культурного мифа, земного рая сосуществует с индивидуальным осмыслением и философскими акцентами. Эти особенности соответствуют специфике русско-итальянского культурного диалога в творчестве любомудров.

Ключевые слова: *любомудры, русский романтизм, итальянский текст, пейзаж.*

Италия была «духовной родиной» С. П. Шевырёва, приблизившегося к ней больше, чем кто-либо из любомудров. В отличие от других «архивных юношей», которые остались приверженцами немецкой культуры (В. Ф. Одоевский, Д. В. Веневитинов) или стали радикальными славянофилами, критиковавшими западноевропейскую цивилизацию (И. В. Киреевский, отчасти М. П. Погодин), Шевырёв всю жизнь тянулся к Италии – как к реальному пространству и романтическому идеалу. Он не только совершил туда как минимум три путешествия (первое – в качестве учителя сына княгини Зинаиды Волконской, культурной «посредницы» между Россией и Италией) [1], но и посвятил Италии ряд текстов: дневники-травелоги, письма, стихотворения. Италия вдохновляла и научное творчество Шевырёва: его статья об итальянской октаве, диссертация о Данте, работы по теории и истории поэзии «знакомили» русскую мысль с итальянской литературой [2]. Кроме того, Шевырёв переводил Тассо и Мандзони, примыкая к авторам, которых Киреевский при осмыслении русского литературного процесса относил к «батюшковской», или «итальянской», школе [3, с. 72].

«Одержимость Италией», «необходимость Италии» – эти категории, выработанные русским романтизмом, стали для Шевырёва личными, жизненными. Италия сформировалась в его творческом сознании как целостный образ – единство культуры (обилие экфрасисов и рассуждений о произведениях искусства – о Римском соборе Святого Петра, скульптуре Бернини, полотнах Рафаэ-

ля, Перуджино и т. д.), истории (упоминания имен и фактов из истории Древнего Рима и итальянского Ренессанса, рассуждение о Флорентийской республике), быта («жанровые сценки» из городской повседневности, особенно неаполитанской и римской, размышления о национальном характере итальянцев т. д.).

Важным аспектом Италии как единого феномена является ее природа – то, что завершает эмпирический образ страны и создает первое о ней впечатление. Закономерно, что на страницах путевых дневников Шевырёв нередко обращается к итальянским пейзажам. Как и в Италии в целом, в итальянской природе повествователь-романтик ищет духовные, идеальные смыслы – согласно концепции любомудров, приверженцев субъективного идеализма Шеллинга, где объект познания оказывается неотделим от субъекта и оба определяются духовной сущностью материального мира [4]. Именно на основе этой системы любомудры пытались решить задачу «объединения поэтического творчества с философским идеализмом» [5, с. 42]. Соответственно, природа Италии в путевых дневниках Шевырёва всегда выражает нечто большее, чем то, что предстает глазам путешественника. Это отличает его взгляд от традиционного, сложившегося как часть культурного мифа об Италии с набором ожидаемых элементов (южное тепло, синее небо, море, лавры, кипарисы и пр.). Мифологизированные элементы природного образа Италии сохраняются, но переосмысливаются, обретая личностный и философский характер. Как отмечает М. И. Медо-

вой, «Шевырëв жадно всматривался в... закаты и восходы солнца на море, в роскошную итальянскую растительность», и в его лаконичных пейзажах «запечатлелись тонкий вкус и романтические интересы» [1, с. 21]. Природа становится центром, с одной стороны, онтологического аспекта образа Италии (ее красоты, гармонии, непознаваемости), с другой – аспекта антропологического, формируя личностную позицию повествователя. Природа Италии осмысливается как данная, заключенная в самой себе красота, которая тем не менее воздействует на душу повествователя, изменяет его личность.

Установка Шевырëва на путешествие с целью самообразования и духовного саморазвития создает двойственность при постижении Италии. Тексты дневников содержат ее последовательный анализ с привлечением многочисленных фактов (можно сказать, что Шевырëв создает «энциклопедию» итальянского искусства, языка, традиций). Однако в центре энциклопедического осмысления неизбежно оказывается личность повествователя – философа-романтика, пытающегося понять Италию «изнутри». Пишет Шевырëв о скульптуре Бернини, или об оформлении лимонадных лавочек, о посещении дома Петрарки, или о религиозности итальянских крестьян – он всегда исходит из личной оценки, которая варьируется от восхищения до ироничной критики. Оценка обуславливается рецепцией – тем, насколько итальянские впечатления соответствуют душевному строю автора, его настроению и ожиданиям.

Такие колебания субъективности/объективности характерны и для восприятия итальянской природы. Детализированные пейзажи в травелогах Шевырëва немногочисленны: культуросцентричное сознание Любомудров заставляло чаще обращаться к архитектурным и живописным экфрасисам, описаниям традиций. Пейзажные зарисовки обычно посвящены значимым в культуре, известным объектам – например, Везувию или виду на Рим. Они часто поэтизируются и «возвышаются»; Шевырëв использует романтические метафоры и гиперболы: *«Туман помешал нам видеть все пространство кратера, но... я... мог заметить его необъятную глубину. По обе стороны нас нависли... огромные седые скалы <...> Мы слышали нередко ужасный гул: это взрывы kloчущего огня. Это настоящий огнепад, это Ниагара огненная»* [6, с. 77]. Объективное изображение вулкана перекрывается богатством впечатлений повествователя – ужасом и восторгом перед стихией. Неслучайно многие эпитеты носят оценочный характер или вписываются в метафоры, создающие образ, в котором просматриваются аллюзии на Ад Данте. Отметим, что при описаниях природы Неаполя и Кампании тон повествователя всегда серьезен – тогда как при характеристике иных аспектов неаполитанской

жизни он охотно прибегает к иронии или даже сатире. В этом смысле Везувий сродни другим «знаковым» топосам – например, римскому Колизею или темнице Тассо; бытовая система оценок неприменима к нему. Ситуация «общения» с природой прочитывается как экзистенциальная: увидеть Везувий – значит и прикоснуться к вечности, и иначе «увидеть» собственное Я.

Впрочем, чаще описания природы играют роль дополнения к излагаемым событиям, их «фона»; например, так – без подробного пейзажа – описан октябрьский праздник винограда (*«В октябре месяце, на празднике винограда, кружками собираются поселяне, и поселянки пляшут под ладный стук тамбурина»*) [6, с. 433]). Внимание повествователя сосредоточено на празднующих крестьянах, но образ включает и природный компонент, и (в подтексте) мотив влияния природы на национальный характер. Сразу два «итальянских» имагологических концепта – виноград и тамбурины – отсылают к итальянской природе и культуре одновременно, к их синкретическому сосуществованию в жизни крестьян. Аналогично природа вводится в описание праздника в Альбано: *«улицы устилаются коврами из... ярко-желтой генистры, зеленого мирта, пунцового мака»* [6, с. 144]. Обильная растительность, которую Шевырëв часто упоминает (неслучайно к итальянской природе регулярно применяется эпитет *роскошная*), в контексте праздника характеризует не пейзаж как таковой, а тонкое чувство красоты, присутствующее итальянскому народу. Яркая цветопись, наименования типично итальянских растений (особенно мирта, который можно отнести к имагологическим концептам Италии в романтизме; так, *«люди с корзинами мирт»*) [6, с. 66] упоминаются Шевырëвым и при описании шествия в честь праздника Тела Господня – что акцентирует религиозно-символический смысл растения) используются с целью создать динамичный образ праздника, где отразилась «душа народа», стремящаяся к прекрасному. Это врожденное стремление к красоте, характерное для итальянцев, становится лейтмотивом дневников и писем Шевырëва и постоянно подчеркивается, хотя проявляется в основном в бытовых мелочах (например, повествователя поражает, с каким искусством оформляется и раскладывается товар в овощных и колбасных лавках Рима).

Истоки великого искусства Италии Шевырëв ищет именно в народном мирозерцании, на которое повлияли красота и разнообразие природы, мягкость климата. В этом подходе он сближается с другими Любомудрами, которые, несмотря на свой идеализм, пытались осмыслить историю Италии в единстве духовных и материальных факторов. Например, в переводе статьи Герена «Европа», сделанном Веневитиновым, менталитет европейских

народов тоже напрямую связывается с природными условиями, а в случае Италии – еще и с эстетическим аспектом этих условий («это дыхание воздуха более теплое, этот рисунок гор более округленный...» [7, с. 180]). Пространство Италии, с одной стороны, романтически идеализируется, с другой – соотносится с объективным ходом истории: из-за благодатной природы культурный «скачок» в Италии случился раньше, чем в других европейских государствах. Отметим, что позже идея причинно-следственной связи итальянской природы с национальным характером и исторической судьбой Италии будет развиваться в концепции Веселовского – правда, уже на чисто позитивистской, материалистической основе [8].

Итальянская природа не только вызывает эстетические ассоциации, но и важна как самоценный феномен – воплощение красоты, в которой пластическое совершенство объединяется с духовным. Особенно часто природа осмысливается в упомянутых категориях *тепла, роскоши и богатства* (о сельском празднике: «Здесь видите всю роскошь природы и всего роскошного искусства» [6, с. 144]). «Роскошь» и «богатство» характеризуют Италию в тонах земного рая, Эдема – то есть в традиции романтического культурного мифа. Обильная и разнообразная растительность являлась обязательным визуальным элементом такого рая. В травелогах Шевырёва образ страны тоже конкретизируют номинации растений, которые к тому моменту уже стали в мировой и русской словесности символами, имагологическими концептами Италии: мирта, лавра, кипариса, оливы, лимона, апельсина, винограда и др. Повествователь редко снабжает образы растений описаниями или эмоциональными комментариями – обычно лишь фиксирует их наличие и количество («растительность богатеет, по горам леса олив» [6, с. 73], «мы потрясли фрукты с огромного абрикосового дерева» [6, с. 71]). Но уже эта фиксация, на первый взгляд безоценочная, выражает роскошь и богатство природы, гармонию полета души с пластической красотой реальности.

Типично итальянские растения не только формируют ландшафт, но и соотносятся с национальным образом жизни, а значит, и ментальностью. Например, часто встречаются образы винограда и виноградников – как отражение древней культуры итальянского виноделия. Шевырёв, верный установке на создание «энциклопедического» образа Италии, связывает природу с социумом, поэтому образы виноградников у него порождают обобщенный образ итальянского народа, жизнелюбивого и трудолюбивого. Эта связь наиболее заметна в записях об острове Искья. Именно там повествователь проводит параллели между природной, априори данной человеку красотой и красотой возделан-

ной – крестьянским трудом, который тоже прекрасен («с каким удовольствием видишь... следы трудолюбия, целые сады виноградные, рощи каштанов, фиги, лимонные деревья» [6, с. 84]). Воздействие цивилизации на природу Шевырёв осмысляет не как разрушение, но как благо и для нее, и для человека. Этот почти просветительский взгляд закрепляется в мотиве пространственной изоляции: остров отделен от материка Неаполитанским заливом, а также «защищен» горой (возможно, подразумевается вид на Везувий). В огражденном, «заповедном» пространстве Искьи формируется особый мир – утопический рай на земле, где люди и природа сосуществуют в гармонии.

Отметим, что одним из образов, составляющих картину этой гармонии, являются «лимонные деревья». Лимон и апельсин, как имагологические концепты Италии, тоже часто встречаются в дневниках. Трактовка этих образов, вероятно, восходит к рецепции стихотворения Гете «Песня Миньоны» из романа «Годы учения Вильгельма Мейстера»; этот текст – один из источников мифа об Италии в литературе романтизма – был популярен в России и многократно переводился. Образ Италии как земного рая, куда рвется душа героини, в тексте наделяется онтологическим, даже сакральным смыслом: это пространство – и идеал красоты, и Другой мир, куда человека влечет экзистенциальная потребность. Наверняка Шевырёв был знаком с текстом Гете, которого любомудры переводили и высоко ставили. Иначе трудно объяснить то, что иногда описания природы в дневниках и письмах отчетливо ассоциируются с этим текстом. Наиболее яркий пример – почти полное совпадение с началом стихотворения: «Чаще краснеет апельсин и желтеет лимон» [6, с. 73] – «Ты знаешь ли край, где лимонные рощи цветут, // Где в темной листве померанец горит золотистый» [9] (пер. Михайлова); «Я знаю край! там негой дышит лес, // Златой лимон горит во мгле дровес» [10, с. 3] (пер. Жуковского). В разных вариантах перевода наблюдается попытка сохранить образный строй оригинала – лимон, апельсин и семантику пламени, горения. Возможно, поэтому при характеристике итальянских апельсинов Шевырёв выбирает нетривиальный глагол – *краснеет* (не *рыжеет/желтеет*). Таким образом, итальянская природа, как и другие аспекты итальянского текста, у Шевырёва встраивается в «двойной» диалог культур (через немецкий источник и «автора-посредника»), характерный для любомудров.

Однако это не единственный случай, когда природа соотносится с литературной реальностью Италии. Пейзажи, образы растений и других природных объектов часто насыщаются культурными коннотациями. Так, предпринимая «паломничество» по литературным местам Италии, Шевырёв посещает

не только дом Петрарки, но и родник, к которому поэт Ренессанса «часто ходил гулять» [6, с. 55]; почтив память Тассо у его гроба, он отмечает и «вековое дерево, под которым он сидел» [6, с. 110]. Гении прошлого не отрываются от Италии как живого, природного пространства, а наоборот, гармонично вписываются в материальную реальность, становясь частью образа страны во всех смыслах.

С соотношением природного и культурного миров Италии связана и постоянно акцентируемая «живописность» ее природы, которая может эксплицироваться как открыто, через характеристику (наряду с богатством, роскошью), так и с помощью цветописы. В дневниках и письмах Шевырёва пейзажи многоцветны: желтый, синий, красный, зеленый, лиловый, другие цвета и их оттенки формируют обширную «палитру», которая, подобно живописи Ренессанса, создает впечатление красоты, существующей в гармонии материального и духовного. Цветопись оригинальна, она индивидуализирует природные образы, выводя их из статуса романтических клише в статус личных впечатлений повествователя: «Цвет скал полосатый – красно-желто-синий» [6, с. 72].

Единство природного и культурного мирообразов Италии становится в травелогах Шевырёва лейтмотивом. Это особенно заметно при описаниях Рима, который русскими романтиками уже в 20-х гг. осмыслялся как Вечный город, содержащий культурный миф: «Отселе открывается вся долина Рима – эта сцена веков. Она простирается до моря, которое блещет вдали <...> видны Колизей, Петр и купол Пантеона. Около вьется Тибр, и к Риму простираются зеленые ковры. Это вид, проникающий душу» [6, с. 109]. Образы природы соседствуют с культурными и историческими реалиями; римская «сцена веков» предстает не только как пространство великих истории и культуры, но и как пространство природное – «почва», взрастившая духовные, историософские смыслы.

Этот ряд сближающихся противоположностей организует весь образно-идейный строй травелогов: природа – культура, настоящее – прошлое

(вечность), динамика – статика, день – ночь; оппозицией итальянских топосов, лучше всего вписывающейся в эти антиномии, является оппозиция «Неаполь – Рим». Если Неаполь и южная Италия в целом интерпретируются повествователем в первую очередь как воплощение «роскошной» итальянской природы – и, соответственно, эмпирики, физической и бытовой жизни, которой можно и нужно наслаждаться, то Рим, как исторический центр Италии, остается обителью культуры. Так, большая часть пейзажей приходится на записи о южной и центральной Италии (например, об окрестностях Феррары), тогда как архитектура, скульптура, живопись, конечно, «главенствуют» в Риме. Иногда это эксплицируется: «В Рим хорошо въезжать ночью, но в Неаполь никуда не годится. Природа любит день, древность – ночь» [6, с. 74]. Однако противоположности взаимопроницаемы и часто сливаются, отражая разные грани единого феномена – Италии (например, при описании Помпей). Повествователь – русский путешественник-любомудр, текстовое alter ego Шевырёва – осмысляет Италию как целостный феномен, в неразделимом единстве природы и культуры; и то и другое вызывает его восхищение, интерес и любовь.

В заключение можно сказать, что природа является важным аспектом итальянского текста Шевырёва, создающим имагологический образ Италии как Чужого и одновременно – духовно Своего, самостоятельно постигаемого пространства. Итальянская природа в травелогах Шевырёва – это и самоценный феномен (воплощение красоты, гармонии, изобилия), и часть целостного образа Италии, взаимодействующая с другими его аспектами: социальным, историческим, бытовым, культурным. Природа влияет на образ жизни и ментальность итальянского народа, особенности итальянского католицизма, искусство, а также, напротив, отражается в них, будучи их главным и общим источником. Единство природного и культурного мирообразов помогает повествователю-путешественнику осмыслить Италию и как реальное геополитическое пространство, и как романтический «земной рай».

Список литературы

1. Медовой М. И. Вечно обязан Риму // С. П. Шевырёв. Итальянские впечатления. СПб.: Академический проспект, 2006. С. 5–37.
2. Фризман Л. Г. Шевырёв Степан Петрович // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. Т. 9: 1975. М., 2002–2014. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (дата обращения: 22.02.2014).
3. Киреевский И. В. Критика и эстетика / сост., вступ. статья и примеч. Ю. В. Манна. М.: Искусство, 1979. 438 с. (История эстетики в памятниках и документах).
4. Манн Ю. В. Русская философская эстетика (1820–1830-е годы). М.: Искусство, 1969. 302 с.
5. Кириенко Н. Г. Поэзия Ф. И. Тютчева и философия немецкого романтизма // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2010. Вып. 8 (98). С. 42–47.
6. Шевырёв С. П. Итальянские впечатления / вступ. статья, подг. текста, состав., примеч. М. И. Медового. СПб.: Академический проспект, 2006. 648 с.
7. Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза / изд. подгот. Е. А. Маймин, М. А. Чернышев. М.: Наука, 1980. 607 с.

8. Веселовский А. Н. Противоречия итальянского Возрождения // Литература и жизнь: Библиотека. М., 2008–2017. URL: http://dugward.ru/library/veselovskiy_alexandr/veselovskiy_alexandr_protivorechia_italyanskogo.html (дата обращения: 15.09.2017).
9. Гёте И.-В. Песня Миньоны / пер. М. Л. Михайлова // И.-В. Гёте. Стихотворения. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1968. Lib. Ru: Библиотека Максима Мошкова. М., 2004–2017. URL: http://az.lib.ru/g/gete_i_w/text_1862_stihi_mikhailov.shtml (дата обращения: 17.10.2017).
10. Итальянские мотивы в русской поэзии XIX века: сб. текстов / сост. О. С. Крюкова. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 192 с.

Пушкарева Юлия Евгеньевна, магистрант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050). E-mail: pia11@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 17.11.2017.

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-175-179

RECEPTION AND COMPREHENSION OF ITALIAN NATURE IN THE TRAVELOGUES BY S. P. SHEVYREV

Yu. E. Pushkareva

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

The article examines the issue of reception and comprehension of Italian nature in the journey diaries and letters of S. P. Shevyrev, the author belonging to the group of the Lubomudry. Italy was an important part of Shevyrev's life and creativity, therefore it became a particular imagological phenomenon in his texts. As a significant component of the image of Italy, nature expresses some features of the country in general and interacts with other aspects of its image: historical, aesthetical (for example, Italian literature and pictorial art), social ones. From the point of view of the Russian traveler, the national character of the Italians (their sincere belief in God, sense of beauty, carelessness) depends on the soft climate and picturesque landscapes. Texts created by Vergil, Petrarch, Tasso, Ariosto reflect Italian nature, and images of these authors are tied with it in Shevyrev's creativity. Nature was highly important for the intensive development of Italy in the Roman Empire and the Renaissance epochs, which is obvious in Shevyrev's diaries and letters. Besides, Italian nature (images of the Vesuvius, the island Ischia, the sea, etc.) is associated with ontological senses and remains the ideal of beauty and harmony. In Shevyrev's diaries and letters, traditional romantic interpretation of Italy as of a cultural myth, an earthly paradise coexists with individual comprehension and philosophical accents. These features correspond to the specificity of the cultural dialogue between Russia and Italy in the creativity of the Lubomudry.

Key words: *the Lubomudry, Russian romanticism, Italian text, landscape.*

References

1. Medovoy M. I. Vечно obyazan Rimu [Forever beholden to Rome]. Shevyrev S. P. Italiyanskiye vpechatleniya [Italian impressions]. Saint Petersburg, Akademicheskij prospekt Publ., 2006. Pp. 5–37 (in Russian).
2. Frizman L. G. *Shevyrev Stepan Petrovich [Shevyrev Stepan Petrovich]. Kratkaya literaturnaya entsiklopediya v 9 tt.* (gl. red. A.A. Surkov). T. 9 [The Concise Literary Encyclopedia in 9 volumes. Edited by A.A. Surkov. Vol. 9: 1975]. Moscow, 2002–2014 (in Russian). URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (accessed 22 February 2014).
3. Kireevskiy I. V. *Kritika i estetika*. Sost., vstup. stat'ya i primech. Yu. V. Mann [Criticism and aesthetics. Compiled, edited and commented by Yu. V. Mann]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 438 p. (in Russian).
4. Mann Yu. V. *Russkaya filosofskaya estetika 1820–1830 gg.* [Russian philosophic aesthetics of 1820–1830]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1969. 302 p. (in Russian).
5. Kirienco N. G. Poeziya F. I. Tyutcheva i filosofiya nemetskogo romantizma [F.I. Tyutchev's poetry and the philosophy of German romanticism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2010, № 8 (98), pp. 42–47 (in Russian).
6. Shevyrev S. P. *Italiyanskiye vpechatleniya* [Italian impressions]. Saint Petersburg, Akademicheskij prospekt Publ., 2006. 648 p. (in Russian).
7. Venevitinov D. V. *Stikhotvoreniya. Proza* [Poems. Prose]. Edited by E. A. Maymin, M. A. Chernyshev. Moscow, Nauka Publ., 1980. 607 p. (in Russian).
8. Veselovskiy A. N. Protivorechiya ital'yanskogo Vozrozhdeniya [Contradictions of the Italian Renaissance]. *Literatura i zhizn'* [Literature and life: Library]. Moscow, 2008–2017 (in Russian). URL: http://dugward.ru/library/veselovskiy_alexandr/veselovskiy_alexandr_protivorechia_italyanskogo.html (accessed 15 September 2017).
9. Goethe I.-V. Pesnya Min'onny. Per. M. L. Mihaylova [Mignon's Song. Translated by M. L. Mihaylov]. Goethe I.-V. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow, Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury Publ., 1968. Lib. Ru: Maxim Moshkov's Library. Moscow, 2004–2017 (in Russian). URL: http://az.lib.ru/g/gete_i_w/text_1862_stihi_mikhailov.shtml (accessed 17 October 2017).
10. *Ital'yanskiye motivy v russkoy poezii XIX veka: sbornik tekstov* [Italian motives in the Russian poetry of the 19th century: collection of texts]. Compiled by O. S. Kryukova. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 192 p. (in Russian).

Pushkareva Yu. E., National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050). E-mail: pia11@yandex.ru